

Чайковский П.И. (конкурс)
НЕ ТОРОПИТЕСЬ СТАТЬ МАРИОНЕТКАМИ!

7.07.94.

Гран-при конкурса вокалистов присужден авансом

Вадим Журавлев
После бала

ПОЧЕМУ меломаны с таким удовольствием посещают конкурсные прослушивания? Всякий раз, когда в первом туре на сцену выходит очередной конкурсант, зал ждет рождения новой звезды. Всем хочется верить в сказку про оперную Золушку, за один день из студентки консерватории превратившуюся в примадонну. Попробуем же понять, что необходимо для успешного выступления на Международном конкурсе имени Чайковского.

Голос. Шансы на победу в конкурсе имени Чайковского всегда были лишь у обладателей «крупных» голосов в соответствии с традициями русского оперного пения. Поэтому мы начисто лишены возможности слышать среди конкурсантов молодых певцов, с успехом осваивающих традиции исполнения моцартовских опер, виртуозных произведений эпохи барокко. Однородный состав участников в этом году прибавлялся в основном к итальянскому репертуару. Особо красивых голосов тоже не было заметно, поэтому пришлось выбирать из того, что есть. Фавориткой первого тура была Татьяна Воропай из Беларуси. Очень близко к ней приближалась Хибла Герзмава, мелькнувшая лучом света в мрачном царстве безголосых сопрано. Нельзя не вспомнить и китайку Сун Ксинвей: в первом туре более мастерского пения, чем исполнение арии Леоноры из вердиевской «Силы судьбы» обладательницей второй премии конкурса «Вердиевские голоса», мы не слышали. Среди мужчин запомнился грузинский тенор Бадри Майсуградзе, но он, как и все участники из стран СНГ, старался на первом туре продемонстрировать лишь объем своих легких. Впрочем, одних природных данных мало. Тигран Мартиросян из Армении и Корея Хо Гван Су обладают низкими, колоритными басами, явно выделяющимися на фоне современных тенденций к завышению низких мужских голосов. Но у первого трескучий тембр, а второй поет «животом». Все это было бы не так страшно, если бы участники безупречно владели своими голосами и не допускали технических погрешностей.

Техника. То самое искусство, которое и отличает певца от солиста казачьего хора. Умение правильно интонировать, флиртовать звук, петь *mezza voce* и *piano* (Каллас не допела бы и первого акта «Нормы», если бы кричала, как многие из участников конкурса, а не пела вполголоса). А еще дикция, музыкальность и много других факторов. Два баритона — китаец Чен Е Юань и кореец Ги Хон Чон — продемонстрировали солидную технику пения, хотя голоса у них слабые. Тонкая отделка романса Леоноры Сун Ксинвей надолго останется в памяти. Можно не сомневаться, что любая из российских участниц прокричала бы эту арию без единого нюанса. Что, впрочем, с успехом делала весь конкурс Марина Лапина, которая, кроме мощи, так ничего и не смогла продемонстрировать в арии Тоски и уж тем более в арии Абигайль. Техника стала камнем преткновения и для Татьяны Воропай: «открытый» звук и малая подвижность голоса, которая была необходима для выбранного певичей репертуара, не могли не повлиять на мнение жюри. Практически никто из участников

нынешнего конкурса не мог похвастаться безупречной вокализацией, достойной мастеров сцены.

Стилистика. Этот раздел можно опустить совсем, так как слишком мало количество соискателей награды конкурса понимали, что это за штука — стилистика. Американка Лаура Клэйкомб (сопрано) помогла еще раз понять, что американские вокальные факультеты выпускают куда как более обученных певцов: знание «основных» оперных языков и основные разницы в стилях исполнения опер немецкой, французской, итальянской и даже русской школ помогло бы ей получить приз за лучшую стилистику, если бы такой присуждался. Правда, стоит отметить, что певица не спела и единой верхней ноты во всех трех турах. На пьедестале почта жюри, в состав которого входили и отборные стилисты (Елена Образцова и Сильвия Шаш), разместило рядом с Клэйкомб и полную противоположность Лауры — Татьяну Захарчук (вторая премия). Сопрано из Одессы умудрилась исполнить всю программу с наименьшим числом погрешностей, но зато Моцарт был похож на Вагнера, а Дебюсси — на Чайковского, чего сама певица, похожая на домохозяйку, и не замечала. Русские певицы и здесь отличались

никого второго тура попутались за неправильный подбор репертуара: Марат Гареев явно не справился с арией Хозе, а для огромного голоса Сун Ксинвей арии Луизы из оперы Шарпантье и Анны из «Похождений повесы» Стравинского оказались слишком ювелирными.

Артистизм. Те, кому его не хватало, по традиции активно жестикулировали и кривлялись. Некоторые, как Хибла Герзмава, с лихвой заменяли его обаянием молодости. Китайка Цзин Хуанг и Лаура Клэйкомб могли поспорить в этой области и кое с кем из членов жюри.

Из объективных факторов можно привести еще десятка два. Обратимся, однако, к самому субъективному, но и самому главному.

Мнение жюри. Не хочется вспоминать тех, кто должен был пройти в финал. Решения жюри все равно не изменить, да и пусть совесть мучает тех, кто принимал несправедливые решения, а не тех, кто все эти дни соперничал конкурсантам. И так, по всем параметрам, но с очень большими оговорками в финал попадали: Марина Лапина (стилистика и музыкальность напроочь отсутствуют, явные недостатки постановки голоса, техники, отсутствие нюансов вокализации), Хибла Гер-

сделали решения жюри в большинстве случаев абсурдными. Кроме того, все члены нынешнего жюри или закончили певческую карьеру или приближаются к ее закату, а преподавание в различных учебных заведениях сделали их суровыми академиками, не способными оценить ничего нового.

Ну а теперь о главном решении жюри. Учрежденный в этом году впервые Большой приз должен принадлежать певцу, уровень которого значительно превосходит всех других участников. Такого певца в этом году не было! Ученический уровень Хиблы Герзмавы нисколько не соответствует званию победителя конкурса вокалистов. Она очень музыкальная и одаренная девушка, но голос ее явно не без недостатков. Однако жизнь все равно всех расставит по своим местам. Вспомним победителей прошлых лет: Джейн Марш, Ивана Понамаренко, Наталию Ерасову, так ничего и не сумевших в жизни достигнуть. Вспомним побежденных: Петера Дворского, Анатолия Кочергу, Долору Зайк, Анну-Фелицию Филипп, Владимира Чернова, Марию Гулегину — лауреатов вторых, третьих и даже пятых премий. Перед ними открыты залы всех ведущих театров. Хорошо, если двадцатичетырехлетняя студентка Московской консерватории Хибла Герзмава сделает из своей победы верные выводы, а ее турне по миру позволит ей правильно определить дальнейшие шаги в своей карьере. Но можно ли быть в этом уверенным сейчас? До тех пор пока жюри конкурса имени Чайковского будет распределять премии в соответствии с личными симпатиями, в Москву на конкурс будут приезжать одни китайцы. А уровень конкурсантов с каждым конкурсом будет все снижаться. Все, у кого были возможности, предпочли ему другие конкурсы. К примеру, Этери Ламорис-Чкония, с которой несколько лет назад познакомил московских меломанов Зураб Соткилава, не позарилась даже на то, что председатель жюри — большой друг их семьи. Получить премию на таком конкурсе — только испортить себе репутацию. Этери участвовала в венском прослушивании конкурсантов, проводимом в этом году Пласидо Доминго, и прошла в финал, который состоится в сентябре в Мексико-Сити и будет транслироваться телевидением на весь мир.

Ну а оставшихся без наград конкурсантов, может быть, утешит такая история. В базарный день в австрийской столице на улицах выступают музыканты, артисты, циркачи. Меня же привлекла толпа людей, из которой доносилось знаменитое «La donna è mobile». Песенку Герцога из вердиевской оперы «Риголетто» распевал не кто-нибудь, а Лучано Паваротти. В центре человеческого крута стоял кукловод с большой марионеткой в руках. Потрясающее сходство с великим «тенориссимо»: живот, лысина, белый платок-флаг в руках, мешковатый фрак. Голос раздавался из рядом стоящего магнитофона, а кукла на веревочках кривлялась что было сил. Кукловод заставлял мини-Паваротти падать на колени, размахивать руками и головой, а в финале арии изо рта марионетки появился длинный красный язык. Толпа ликовала, а мне стало не по себе. Это ведь и есть обратная сторона медали под названием «успех».

Лучшая певица Хибла Герзмава (1 место). Елена Образцова обняла ее и вручила 5 тыс. долларов.

в худшую сторону. Такое впечатление, что у них просто нет возможности послушать записи великих мастеров. Если бы они чаще это делали, то, может, и не были бы такими убогими выступлениями всех очередных «открытий» последнего конкурса Глинки. Или солистов Большого театра, к примеру Михаила Давыдова. Перед тем как спеть на конкурсе ариозо Ленского, он хотя бы по паре раз послушал, как это делали Лемешев и Козловский. Может быть, и нашел бы для себя что-нибудь интересное.

Репертуар. Правильный подбор его — половина успеха на любом конкурсе. Трудно понять тех конкурсантов, которые берутся за исполнение немецкой камерной музыки, о которой они имеют слишком расплывчатое представление. Лучшее петь русские романсы, но и здесь все не так просто. В России постепенно теряют традиции камерного исполнительства: только такой диагноз можно вынести после конкурса. Иначе чем еще объяснить позорное исполнение в духе цыганского ансамбля «Корольков» и «Серенады Дон Жуана» Михаилом Давыдовым (я намеренно говорю только о финалистах), да и Хибла Герзмава выглядела при исполнении романсов Чайковского и Рахманинова скромно. Другие участ-

зства (технические недостатки верхнего регистра и не совсем удачное выступление во втором туре), Чен Е Юань (маленький голос, расхождение с оркестром, вокальные неточности). С еще большим количеством замечаний финалистами стали Татьяна Захарчук (голос истончающийся, не чистый, отсутствует образность, стилистика — 0) и Лаура Клэйкомб. Все же остальные финалисты, отобранные жюри, свели финальный тур конкурса вокалистов до уровня рядового прослушивания в захудалый театр. Меццо-сопрано из Москвы Ирина Гелашова выступала большой, поэтому каждое выступление было кошмарным, а в третьем туре певица и вовсе сорвала арию Далилы. И каково же решение жюри?.. Третья премия. Впрочем, разделил ее вместе с Гелашовой тенор из Большого Михаил Давыдов. Ужасающие манеры, форсированное пение без нюансов, сплошной крик. Чем он был лучше украинского тенора Алексея Репчинского в третьем туре, который, на радость публики, продемонстрировал верхнее «до»? Зато у него нет звания «солист Большого». Ему только диплом, но ведь оба тенора были даже недостойны финала. Несправедливость в оценке собственных учеников, коллег и просто личных симпатий

Анатолий Агамиров

ЛАУРЕАТЫ играли на сцене. Лауреаты сидели в жюри. Крутом одни лауреаты. К конкурсу допускались только призеры иных соревнований. А судили их лауреаты конкурсов Чайковского прошлых лет. Вот такая именитая музыкальная компания составляла в Москве более месяца праздник музыки. Так было задумано. Параллельно с конкурсом Чайковского в Соединенных Штатах проходил чемпионат мира по футболу. Для России исход двух крупнейших мировых состязаний кончился плачевно.

Где же наши лучшие в мире фортепианные, скрипичные и виолончельные школы? Наши виртуозы, которые всегда были лучшими, несмотря на политические, экономические, культурные трудности, нехватку денег и протрещивающее камство? Формально наши виртуозы на конкурсе не подкачали. Они по-прежнему впереди среди вторых, третьих, пятых, шестых. Но не среди первых. Первые у инструменталистов вообще не было. Там, где мы абсолютно привыкли «несмотря ни на что». Что же случилось? «Спросите у жюри» — таков ответ. Вероятнее всего, ознакомившись в ходе первого тура с уровнем соревнующихся и их национальным раскладом, жюри решило вопреки установленным ранее правилам делить места по принципу «нашим и вашим». Причем дележке подождало все — от второго места до последнего дипломного, восьмого. Никто не забыт, ничто не забыто. Кому какое дело в жюри, что американка Дженифер Кох играла на голову выше всех остальных конкурентов?!

Первое место не давать, отсчитать на второе, дабы рядом встала на пьедестале русская красавица Настя Чеботарева с косой до пят. Плохо играл Концерт Чайковского Граф Муржа из Московской консерватории, пусть подвинется брюнет и даст встать рядом с собой первоклассному виртуозу

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Открытое первенство лауреатов-исполнителей

дало плачевные результаты. Что дальше?

итальянцу Марко Рицци. Далее то же самое и на фортепиано, и на виолончели. Виолончелью отличился особо. Председатель виолончельного жюри Наталья Шаховская, выздоравливая к концу конкурса, вообще вела себя, как Тарас Бульба: «ликвидировала» на втором туре семь собственных учеников, включая родную дочь, а к третьему туру допустила единственного своего студента, а тот лишь четвертое место поделал. Вот это принципиальность! А, может быть, проще было не выставлять команду из собственного класса?

Да, получилось так, что в России не оказалось музыкантов, достойных абсолютного первого места в инструментальных дисциплинах. Бывает, конечно... Казалось, Менухины, Горовицы рождаются по воле Божьей. Нет среди своих — ищите среди чужих. Но чужих на первые места выводить не разрешало ЦК в свое

время, и генетические наследники прошлых лет решали уравнивать по большевикскому принципу и своих, и чужих. Так удобнее, так подотчетнее. Абсолютно прав патриарх российской музыки Георгий Свиридов, председатель организационного комитета конкурса, заявивший, что публика сама разобралась, кто был лучше, кто хуже. Но публика не подписывает протокол. Под решениями жюри единолично ставят подписи его председатели. Таким образом, получены протоколы, которые, если опираться на действительные ценности прошедшего конкурса, констатируют упадок российских фортепианной, скрипичной и виолончельной школ.

В этой статье я намеренно не называю имен. То, что показала на конкурсе Московская консерватория (а ее представители доминировали среди участников), свидетельствует об уровне ниже среднего европейского. Давайте

признаем это совершенно открыто. На конкурсе были яркие индивидуальности; мало, конечно, и, кроме того, — это иностранцы. Но, что поделаешь, так сложилась «божья конъюнктура» в последнее десятилетие XX века. Я не ставлю традиционные российские вопросы, а заменяю одним насущно необходимым: что дальше?!

Дальше необходимо реформировать систему музыкального образования, особенно в Московской консерватории и Центральной музыкальной школе. Необходимо заимствовать опыт, например, Парижской консерватории и Джульярдской школы в Нью-Йорке. Подгнившая система музыкального образования, какой бы золотоносной она ни была раньше, перестала приносить плоды. Дело не в количестве лауреатских медалей. Дело в уровне музыкальной культуры.

Лучший пианист Николай Луганский (2 место).

Лучшая виолончелистка Эйлин Мун (США, 4 место).

Фото Натальи Мегведовой (НГ-фото).